

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 800

Н.А. Мишанкина

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАУЧНОГО ТЕКСТА: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Рассматривается научный лингвистический текст как специфическое когнитивное, ментальное пространство, создаваемое на основе метафорических моделей. Анализируются типы научных метафор, представленных в тексте, и способы моделирования научной информации.

В сфере гуманитарных наук в последние десятилетия одной из активнейших тенденций является тенденция к интегративности. Речь идет о «схождении» отдельных дисциплин в области изучения основ человеческого мышления – сложного и неоднозначного объекта – и объединения в единое научное направление, называемое когнитивистикой (когнитивологией).

Когнитивные исследования в России на первом этапе оказались тесно связаны с изучением феномена «картины мира», основополагающим для смены методологических ориентиров лингвистики. Данное понятие было определено как способ мировидения и мышления этноса, объединенного языком, как «система интуитивных представлений о реальности» [1. С. 127], вне которой не может существовать ни один человек. Феномен картины мира позволил по-новому взглянуть на системность языка и осознать ее границы. С одной стороны, первоначальный этап описания языка неизбежно должен включать в себя детальную «инвентаризацию»: перечень элементов и правил их сочетания, с другой – именно этот подход позволил открыть неочевидные свойства языковой системы: функциональную избыточность, неоднозначность функций того или иного элемента, изменчивость системы в процессе коммуникации, что, в свою очередь, привело к актуализации идеи неавтономности языковой системы, ее функциональной «встроенности» в другие: когнитивную, социальную, культурную. Исследование естественного языка с этой точки зрения привело к более широкому пониманию системности как основополагающего признака социума, культуры и, в конечном итоге, мироустройства. Системность картины мира обусловлена не тем, что это некоторая упрощенная схема реальности, но, напротив, тем, что является динамической моделью мира в сознании человека, обусловленной множеством факторов: социальной, культурной, языковой средой индивида, а также наследственными психическими структурами.

Исследование феномена картины мира и способов ее моделирования нашло выражение в работах известных российских лингвистов (Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, Ю.С. Степанова и др.). В настоящее время данное направление является одним из наиболее востребованных и разработанных в отечественной лингвистике. Описание системы мировидения реализуется посредством анализа словарного состава языка, и модель, создаваемая на его основе, может быть названа статичной.

Следующим этапом развития когнитивных исследований становится активное обращение к методикам дискурсивного анализа, что представляет собой закономерный переход от описания статических моделей к динамическим. Смещение акцентов оказывается тесно связанным с проблемами моделирования дискурсов как целостных социально-ориентированных сфер коммуникативного действия.

Думается, что с понятием дискурса – целостной системы коммуникативных актов, направленных на определенное социальное действие [2. С. 136], – тесно связано понимание общей модели мира как совокупности функциональных вариантов.

Появление в лингвистике нового дискурсивного подхода, ориентированного на дифференциацию сфер использования и функциональных подсистем языка, М.Л. Макаров связывает с общей сменой гуманитарной парадигмы, которая «основывается на принятии принципиально новой онтологии социально-психологического, человеческого гуманитарного мира, противопоставляемой традиционной онтологии материального физического мира. «Старую» механистическую онтологию Ром Харрэ и Грант Жиллет условно называют «онтологией Ньютона», а новую дискурсивную – «онтологией Выготского» [3. С. 16]. По мнению исследователя, механистическая метафора, лежащая в основе гуманитарного миропонимания, сменяется дискурсивной, связанной с внутренней динамикой объекта, его способностью изменяться в процессе функционирования.

Дискурсивный подход, таким образом, предполагает исследование того, каким образом происходит моделирование процесса коммуникативного взаимодействия, какие модели и каким образом оказывают влияние на процесс коммуникации. В русле данного направления уже написан ряд работ (Е.А. Шейгал, З.И. Резанова, Г.Н. Трофимова, А.П. Чудинов и др.), в которых рассматривается моделирование в художественном, рекламном, политическом, виртуальном и др. дискурсах.

Сфера научной деятельности и научный текст всегда осознавались как специфическая область и, соответственно, научные тексты выступали в качестве объекта лингвистического исследования. Традиционно научный текст изучался в рамках функциональной стилистики (Г.Я. Солганик, Э.Г. Ризель, Н.М. Разинкина, Е.С. Троянская, Л.Г. Бабенко, М.Н. Кожина), где были описаны основные качества такого типа текстов. В частности, как отмечает А.Д. Плисецкая, «функциональ-

ная стилистика отвлекается от тех черт научных текстов, которые, в рамках ее идеологии, признаются иностилевыми. Так, по мнению М.Н. Кожинной, образные средства в научной речи приобретают однозначность, имеют узкоконтекстное значение и характеризуются отсутствием системного характера, и функция образных средств в научном тексте – прежде всего пояснение» [4]. Но в сферу внимания стилистов, по мнению этого исследователя, попадают далеко не все метафоры, которые участвуют в формировании научного текста: «...выдающиеся труды таких отечественных языковедов, как В.В. Виноградов или А.М. Пешковский, являясь блестящими образцами научных текстов, между тем полны образности и экспрессии...» [4].

Вторая половина XX в. характеризуется тем, что кардинальным образом изменяется взгляд на научный текст, который перестает рассматриваться как отдельное произведение монологического характера и представляется своего рода компонентом целостной системы текстов, представляющих область науки, научное направление, научную парадигму, или дискурса. В рамках определенного дискурса принимается тот и или иной взгляд на объект описания, который с точки зрения теории референтности (особенно в гуманитарных науках) представляет собой некоторую ментальную модель, систему ментальных конструкторов.

В этом аспекте рассматривает научные области известный исследователь-когнитивист Ж. Фоконье. В своей теории ментальных пространств он отмечает, что все, описываемое языком, является лишь системами, построенными на основе когнитивных моделей. Эти системы по сути своей виртуальны, так как отражают субъективное видение говорящего. «В содержательном аспекте ментальные пространства представляют собой модели ситуаций (реальных гипотетических) в том виде, как они концептуализируются человеком» [5. С. 138]. В качестве ментальных пространств рассматриваются как так называемая «реальная реальность», так и различные гипотетические ситуации, относящиеся к прошлому и будущему, вымышленные ситуации, а также целые научные области. В этом же ключе рассматривает научные теории и Дж. Лакофф: «В нашем стремлении понять мир мы используем когнитивные модели. В частности, мы используем их при теоретическом осмыслении мира, при создании научных теорий, равно как и теорий для повседневного употребления. Эти теории обычно не согласуются друг с другом. Когнитивный статус этих моделей позволяет это» [6. С. 163].

В последнее время и в отечественной гуманитарной сфере появляется все больше работ, посвященных проблеме моделирования научного пространства. Данные пространства рассматриваются как некоторые виртуальные миры, созданные посредством выстраивания системы когнитивных моделей и изменяющиеся в зависимости от некоторой доминантной идеи, системы координат, в рамках которой рассматривается объект – парадигмы.

Ключевой когнитивной моделью в современной когнитивистике и лингвистике признается метафора – один из базовых способов представления информации. В лингвистической, филологической традиции феномен метафоры известен еще с античных времен, но

только в XX в. происходит кардинальное изменение в представлении данного явления языка. Исследование метафоры выходит за пределы сферы стилистики и даже лингвистики, и данный феномен рассматривается как один из принципов организации человеческого мышления. Например, Ф. Ницше писал: «Вещь в себе» (чистая, непосредственная истина) совершенно недостижима для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами. Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно другую и чуждую область... Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям» [7. С. 12]. Вся философия XX в. пронизана этой идеей, идеей субъективности истины, антропоцентризма, интуитивизма, интереса к различным видам иррационального мышления, и, соответственно, интересом к метафоре.

Основополагающей для нового осмысления метафоры в языке стала работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона [8], где были заданы не только теоретические и философские аспекты нового рассмотрения метафоры, но и представлена методика выявления метафорических моделей, описаны механизм метафоризации и типология метафор. По мнению авторов, главную роль в мыслительных процессах человека играют аналогии как перенос знаний из одной содержательной области в другую. Таким образом, в заявленной концепции метафора осмысляется не как поверхностный риторический механизм украшения речи, а напротив, как фундаментальный когнитивный механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структурирует язык. Авторы наглядно демонстрируют, что метафора составляет плоть нашей обычной, риторически не приукрашенной речи, что к этому феномену невозможно относиться как к обычному тропу. В книге вводится мегаскопическое понятие концептуальная метафора и декларируется, что метафоры как поверхностные языковые структуры возможны именно благодаря тому, что они заложены в понятийной системе человека. В книге представлен принципиально новый взгляд на данный феномен как на общекогнитивный принцип организации мышления. Таким образом, языковая метафора есть отражение метафоры когнитивной, и, анализируя ее, мы получаем возможность исследовать когнитивную модель интерпретации того или иного фрагмента действительности носителями языка.

Подобный подход позволил взглянуть на метафору не только как на средство украшения, средство характеристики и оценки, но и как на механизм гносеологический, позволяющий задать понимание нового знания посредством аналогии – опоры на имеющийся опыт. Ключевые базовые метафоры способны задавать целостные парадигмы осмысления и представления нового знания. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...хорошо известны метафоры, дающие ключ к пониманию природы языка и его единиц: биологическая концепция языка

делала естественным его уподобление живому и развивающемуся организму, который рождается и умирает (ср. живые и мертвые языки); компаративисты предложили метафоры языковых семей и языкового родства (праязык возник по аналогии с прародителем); для структурного языкознания была ключевой метафора уровневой структуры... Смена научной парадигмы всегда сопровождается сменой ключевой метафоры, вводящей новую область уподоблений, новую аналогию» [7. С. 15]. С этой же точки зрения рассматривается, например, смена парадигм и смена метафорических моделей в работе Ю.С. Степанова, посвященной выявлению парадигмальных метафор, организующих лингвистический дискурс в его историческом развитии [9].

Рассматривая общую проблематику моделирования научного знания в генетике, А.Е. Седов пишет: «В англоязычной научной литературе вопрос о роли метафор в науке обсуждается с начала 60-х годов» [10. С. 526]. Для описания работы метафорической модели при создании ментального пространства он предлагает в качестве аналогии модель из теории информации: «...метафору можно рассматривать как своеобразный “концентрат” информации, как новый информационный вход в данную когнитивную модель из других... Новая метафора – это редкое, неожиданное сочетание слов и смыслов. Если она удачна, то в описании увеличивается количество информации (для сравнительно простых систем с известными вероятностями событий – вычисляемое по К. Шеннону)» [10. С. 527]. В работе А.Е. Седова рассматриваются метафорические модели генетики.

Парадигмальные модели, равно как и другие виды концептуальных метафор, реализуются в научном тексте посредством использования языковых выражений разного уровня. Дж. Лакофф и М. Джонсон в уже упоминавшейся выше работе [8] предлагают типологию концептуальных метафор, позволяющую разделить все существующие метафоры на три основных типа: структурные, ориентационные и онтологические. Основой для подобного разделения выступают, во-первых, тип когнитивной модели, стоящей за языковым выражением, во-вторых, способ выражения метафоры. Этот подход позволяет выявить метафорические модели разного уровня концептуализации и значительно расширить спектр языковых средств, служащих для репрезентации метафорической модели. Наиболее очевидными, по мнению авторов, являются структурные метафоры, так как они позволяют увидеть проецирование структуры одной концептуальной области в другую, как правило, не имеющую формального выражения. Эти метафоры реализуются в полисемии и целостных метафорических контекстах, спектр подобных метафор очень широк, он соотносим с количеством концептуальных пространств и подпространств и объектов. Структурные метафоры варьируются в разных типах культуры и, соответственно, в разных языках. Например, традиционная зооморфная метафора «корова», по отношению к человеку, имеет совершенно разные смыслы в русской и китайской культурах.

Ориентационные метафоры имеют более универсальный характер, так как соотносятся в первую очередь с телом человека и его ориентацией в физическом пространстве. В данном случае актуальным является

понятие физической нормы: концептуализируются нормальные и ненормальные положения тела человека и его движение.

Наиболее глубинные слои концептуализации связываются с онтологическими метафорами, спектр которых ограничен и соотносим с еще одним видом когнитивных моделей – кинестетическими образ-схемами, формируемыми на ранних этапах развития человеческого существа. Онтологические метафоры отражают первичный анализ мира и опираются на образ-схемы как «повторяющиеся динамические образцы наших процессов восприятия и наших моторных программ» [11. С. 347]. Именно онтологические метафоры труднее всего рефлексировать носителями языка, так как часто получают выражение посредством грамматической формализации. В качестве примера авторы приводят наиболее распространенные в европейской культуре модели ОБЪЕКТ (ПРЕДМЕТ), SUBSTANCE (ВЕЩЕСТВО), CONTAINER (ВМЕСТИЛИЩЕ), которые выступают базой для осмысления множества областей. Например, понятие времени традиционно осмысливается в европейской культуре как ОБЪЕКТ, что позволяет именовать данную категорию посредством имен существительных, причем этот вид объектов может быть множественным и даже выступать по отношению друг к другу как CONTAINER (в сутках 24 часа). В других культурах и других языках может быть представлено совсем иное осмысление категории времени, что демонстрирует в своей работе Б.Л. Уорф [12].

В настоящей работе мы представляем результаты анализа текста научной лингвистической статьи именно в аспекте его метафорической организации. Для анализа нами был взят текст С.О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака» [13], связанный с представлением о структурной организации идеального объекта – семантического компонента языкового знака. Данная статья является программной работой в русле структурализма для отечественного языкознания, именно такой принцип организации знака естественного языка актуален в русской лингвистике до сих пор. Кроме того, в данном случае речь идет о принципиально абстрактном семиотическом объекте – семантической стороне знака, которая может быть познана и представлена в научном дискурсе исключительно посредством метафорического моделирования.

Нами были выявлены метафоры, организующие ментальное пространство текста С.О. Карцевского. В первую очередь это, конечно же, базовая онтологическая метафора знака, выступающая основой для понимания слов языка как единства формы (звучания) и содержания (значения). Данная метафора выступает основой для другой, более сложной структурной модели – метафоры передачи, в которой язык понимается как *вместилище*, а смысл языковых выражений как *вещество*, наполняющее это вместилище.

Очень последовательно реализуется метафорическая модель объекта, при этом в качестве объекта выступают самые разнообразные явления: время, значение, внимание, психическая жизнь, ситуация и т.п. Представление процесса или состояния в качестве объекта предполагает и систему взаимодействия с ним. В частности, любой объект обладает физическим существованием и, соответ-

ственно, свойствами, которые могут быть восприняты органами чувств: формой, воспринимаемой визуально (*формы нашей психической жизни..., В такой форме эта идея..., в своих основных чертах грамматическая транспозиция...*). Объект может быть перемещен в пространстве от одного владельца к другому (*в каждый данный момент..., общее и индивидуальное даны..., направляется наше внимание...*).

Столь же последовательно абстрактные сущности моделируются посредством использования метафоры *персонализации*, при этом актуализируется их функциональный характер, так как используется достаточно ограниченный круг единиц, связанных с понятийной сферой человека, а именно: *иметь, быть должным, служить, выступать, обладать, являться, стремиться*. Метафоры подобного типа – явление традиционное для научного текста, но, тем не менее, если обратиться к их буквальному значению, то перед нами предстанет сфера человеческих отношений и взаимодействий: *один и тот же знак имеет несколько функций..., язык должен служить средством общения, ...и только конкретная ситуация может дать tertium comparationis..., обозначающее стремится обладать иными функциями...*

Метафора *вместилища*, как уже говорилось выше, является доминирующей моделью в анализируемом тексте, и мы можем сказать, что в качестве вместилища может выступать не только объект, но и персона: *Формальные значимости, естественно, более общи, чем семантические значимости, и они должны служить типами, из которых каждый включает почти неограниченное число семантических значений.*

Онтологические метафоры зачастую трудно отделимы от структурных и ориентационных, так как являясь базовыми для них, например, если рассмотреть контекст *акт познания не может затронуть «индивидуальное»*, то в данном случае метафора *затронуть*, предполагающая структурирование взаимодействия, основана на том, что *акт познания* представляется как одушевленный субъект, а *«индивидуальное»* – это объект, с которым субъект осуществляет тактильный контакт.

Ориентационные метафоры в тексте также представлены в синтетическом варианте, где отношения между сущностями, процессами и состояниями определяются как пространственные. Поле подобных метафор в тексте очень широко, таким образом осмысливаются в первую очередь стороны языкового знака, взаимодействующие друг с другом как физические объекты в пространстве. Они сопоставляются по размерам: *Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками.* Определяется их положение в абстрактном пространстве: *язык движется между двумя полюсами..., Познать или понять явление – это значит включить его в совокупность наших знаний, установить координаты, на скреплениях которых его можно будет найти.* Структурируется их конфигурация: *Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе и противопологаются только внутри этих рядов...* И положение относительно друг друга: *Омонимический ряд является по своей природе скорее психологическим и покоится*

на ассоциациях; Однако это не что иное, как две стороны одного и того же общего принципа...; Именно эта идея класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром излучения сходных значимостей. Подобные метафоры позволяют более зримо представить соотношение абстрактных сущностей.

Кроме пространственного расположения абстрактных объектов может моделироваться и их динамика на основе использования метафорических вариантов глаголов движения. Конечно, самым частотным является глагол *двигаться*: *Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами.* Но для более тонкой дифференциации смыслов используются и другие единицы, связанные с более конкретными моделями: *поступательное движение в разных средах позволяет по-разному представить абстрактные явления как объекты или вещество.* Например, в контексте *Это логическое следствие, вытекающее из дифференциального характера знака...* полученное на основе причинно-следственных отношений знание, моделируется как движение воды, причем движение самостоятельное. Подобный тип движения водных объектов является естественным и не зависит от человека (*ср. река, вытекающая из леса...*), и, соответственно, умозаключение, полученное автором, представляется подобным водному объекту, самостоятельно перемещающемуся в силу природных, естественных причин.

Организация структуры знака представлена следующим образом: *Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности».* Тип движения, репрезентируемый данным глаголом, предполагает контакт между жестким объектом и твердой поверхностью; из-за отсутствия трения, либо не строго горизонтального расположения плоскости, объект перемещается вдоль нее, меняя свое местоположение. Подобная метафора позволяет передать характер соотношения между двумя сторонами знака – они не являются жестко закрепленными и трансформируются вследствие функционирования в той самой «реальности».

Движение, связанное с действием – иницированием движения объекта, оказывается значимым для моделирования представления о знаке как о зависимом объекте: *Омонимический ряд также остается открытым, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда будет вовлечен данный знак игрой ассоциаций; Но невозможно предвидеть, куда повлекут знак семантические сдвиги, смещения.*

Весьма значимой оказывается и семантика физического действия, при этом моделируются не столько сами действия, а опять же целостные ситуации, репрезентирующие действия людей и типы отношений между ними: *Такие различные значимости, как совершенный и несовершенный вид, могут потерять свое противоположение; Семантическая часть слова, напротив, представляет некий род остатка, противящегося всякой попытке разделить его на элементы, такие же «объективные», каковыми являются формальные значимости.*

Научный текст разворачивает перед читателем целый спектакль, где в качестве актеров и реквизита выступают абстрактные сущности, обладающие определенными свойствами и совершающие определенные

действия, по которым мы их и квалифицируем. Например, контекст *Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично* репрезентирует знак как одушевленное существо, отвечающее в процессе коммуникации другому одушевленному существу действием. Или *Каждое (обозначающее и обозначаемое) «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак* – в этом случае перед нами предстает ситуация конфликта между людьми и этот конфликт неразрешим, так как у обеих сторон существуют собственные цели и партнерство их вынужденное.

Таким образом, в анализируемом тексте реализованы самые разнообразные метафоры. При этом мы можем наблюдать то, каким образом распределяются в тексте роли метафор разных типов. Будучи наиболее глубинными, онтологические метафоры и в тексте выполняют ту же функцию: они задают основные способы осмысления абстрактных сущностей – объект, персона, вещество. Благодаря этому появляется возможность для пространственного и структурного представления, где оказываются задействованными новые типы метафор, как общенаучные (данный, *следствие, вытекающее* и т.п.), так и принадлежащие собственно структурной лингвистике.

В рассмотренном нами тексте присутствуют как общерусские, общенаучные, так и метафоры структурной лингвистики. В данном случае следует отметить, что в наибольшей степени к последнему типу могут быть отнесены геометрические и математические метафоры (ряды, *координаты, на скрещении которых его можно будет найти, плоскости*), специфичные метафоры движения (*Каждое (обозначающее и обозначаемое) «выходит» из рамок, назначенных для него его партнером*).

Ментальное пространство научного текста моделируется посредством концептуальных метафорических моделей. Как правило, моделирование восприятия и понимания абстрактных сущностей, процессов, явлений происходит на нескольких уровнях и в нем участвуют метафоры различных типов. Наиболее очевидными, структурирующими расположение и взаимосвязи объектов описания, выступают структурные метафоры, но они, в свою очередь, базируются на более глубинных – онтологических и ориентационных. В качестве параметров, структурирующих абстрактную область организации знака, выступают пространственные признаки объекта, пространственное расположение, конфигурация в пространстве, движение (или его отсутствие), действие. Таким образом, мы можем говорить о том, что лингвистический научный текст имеет принципиальную метафорическую природу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1999.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
4. Плисецкая А.Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности // Текст доклада на конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике», 1–7 сентября 2003 г. Варна. Режим доступа: <http://virtualcoglab.cs.msu.su/html/Plisetskaya.html>, свободный.
5. Скребицова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л. Сухачева. СПб., 2000. 204 с.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–33.
8. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 7–34.
10. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 526–534.
11. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М., 1997. С. 340–369.
12. Уорф Б.Л. «Отношение норм мышления и поведения к языку». Режим доступа: <http://kant.narod.ru/whorf.htm>, свободный. Загл. с экрана.
13. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. М., 1965. Ч. 2. С. 85–93.

Статья представлена кафедрой общего славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.